№ 18

СМЕХАЧ

ОКТЯБРЬ 1924 Ленинград, Просп. Володарского, 51, кв. 9. Ред. тел. 5-49-78, конт. тел. 1-68-80 Цена 25 коп.

РАЗОРЕННЫЕ

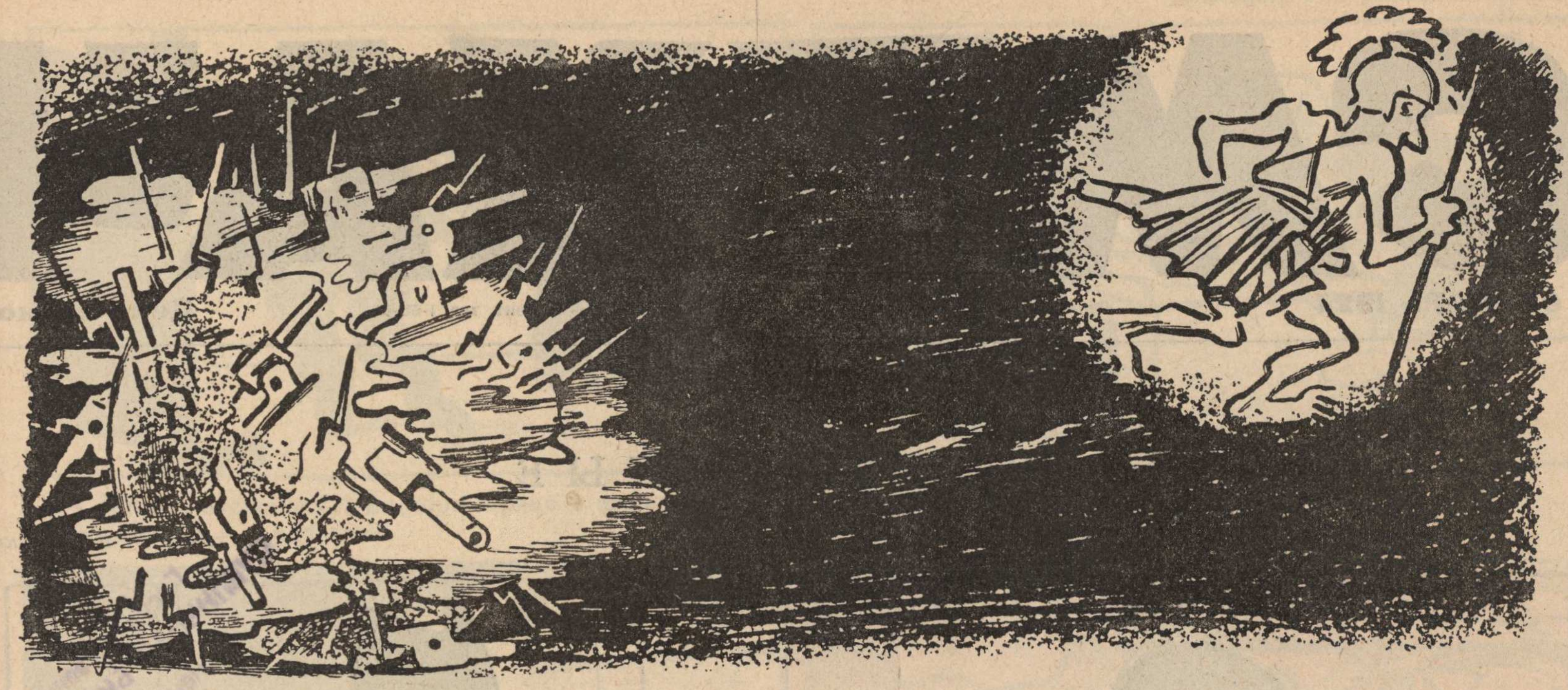
Рис. В. Козлинского

английской интервенцией и русской революцией.

К ВЕЛИКОМУ ПРОТИВОСТОЯНИЮ МАРСА

Рис. Н. Радлова

Марс (бог войны) — **Ого! трудненько противостоять...**

„НОВЫЙ БЫТ“

Кубышкин, старый беллетрист довоенного достоинства, сидел у письменного стола и ворчал:

— Новый быт!.. Выдумали! А где его возьмешь, этот самый новый быт? В магазинах пищевого треста? В Гуме? или „нигде кроме, как в Моссельпроме“?

Он свирепо посмотрел на чернильницу, на добрую старую чернильницу, из которой он много лет извлекал такие чудные рассказы о врачах, помещиках, попах и даже рабочих...

— Да, ну тебя к черту! — выругал он вдруг свою старую чернильницу, в сущности, ни за что, ни про что.

Он даже толкнул ее, хотя не так сильно, чтобы она свалилась со стола и разбилась. Чернильница только слегка сдвинулась с места.

— Пусть рабжуры пишут! — подумал он со злобой. Но внезапно пришедшая мысль о рабжурах отрезвила Кубышкина. Уступить поле этим дерзким юнцам без боя? О, нет! Кубышкин еще покажет себя.

— Еще повоюем! — решил Кубышкин.

Он подошел к книжному шкафу, достал одну из своих книжечек, самую лучшую, и стал перелистывать ее.

Внимание его остановил небольшой рассказец, который в свое время критика очень расхвалила. В рассказе была выведена „крепкая дружная семья“ старого степняка-помещика, и назывался он „Чем крепка святая Русь“.

Кубышкин положил книжку в шкаф, сел снова к письменному столу и, любовно погладив обиженную им несколько минут тому назад чернильницу, точно извиняясь перед ней, начал писать:

„Чем крепок СССР. Рассказ из нового быта“.

„К обеду, ровно в 12 часов, вся семья была в сборе. На фабриках обедают рано.

Это была крепкая пролетарская рабочая семья, точно, скованная на вагранке, спаянная на мартене и накрепко сшитая на домне.

В то время, как старшая дочь, товарищ Революция, накрывала на стол, расставляя приборы, отец, крепкий мускулистый столяр по железу, о чем-то серьезно вел беседу со старшим сыном, слесарем, только лишь на днях произведенным в губкомы.

Двенадцатилетняя Ледава помогала матери у печки. Это была девочка необычайно одаренная. Уже в 10 лет она была одной из самых талантливых папиросниц, и за отличные успехи в этом искусстве была переведена в чулочное отделение.

— Стол накрыт! — заявила Революция.

— Пожалуйте к столу! — провозгласила мать.

Все уселись, развернули салфетки и положили их к себе на колени.

— Объявляю обед открытым! — объявил отец.

На первое был подан“...

Кубышкин с разбегу остановился...

— Что был подан?

В рассказе „Чем крепка Русь“ подают на первое суп с раковыми шейками, но литературное чутье ему подсказывало, что в „крепкой пролетарской семье“ такого супа, как будто не подают... Что же подают на первое?

Кубышкин опять нахмурился. В голове пробежала мысль:

— Надо было бы расспросить, что едят рабочие... Еще в лужу сядешь.

Но расспрашивать уже было поздно. Кубышкин был в ударе и бросить писанье, когда вдохновение посетило, чтобы заняться расспросами, было-бы грешно. Жди, пока оно придет снова.

— Напишем просто „суп“, — решил Кубышкин.

Так он и сделал.

— Обед шел в строгом парламентарном порядке — продолжал Кубышкин, — председательствующий каждый раз заявлял: „Ложка принадлежит товарищу такому-то“, и вызываемый товарищ, с пением коминтерна, погружал свою ложку в суповую чашку.

Кубышкин расписывал обед, а в то-же время думал:

— Что буду делать с ними после обеда? Вообще, что делают рабочие после обеда?..

Вдруг, его точно озарило, он вспомнил про рабочие клубы.

— Сам бог мне помогает! — обрадовался Кубышкин.

Он быстро скомкал конец обеда, который уже слишком затянулся, и стал писать:

— Стройными рядами стали выходить из-за стола. Отец и сын отправились в клуб, где первого ждала партия в вист, а второй скромно уселся за шахматы.

Тут Кубышкин и хотел поставить точку, но что-то грызло его душу. Совесть была неспокойна.

Ему казалось, что три пары женских глаз, матери, Революции и Ледавы, смотрят на него с укоризной и точно спрашивают:

— Почему ты нас оставил без дела? Мужчины ушли в клуб, а нас на кого оставил? Нехорошо!

Кубышкин чувствовал, что, действительно, нехорошо. Недавно он прочитал заметку в газете, под заглавием „Восточная женщина пробуждается“, и у него появилась, было, мысль закончить рассказ так:

— Оставшиеся дома женщины стали пробуждаться...

Но как-то не подходило... Что-то тут было надуманное.

Кубышкин вздохнул и тихо проговорил:

— Не выскакивает... Видно, в самом деле, пора бросить... В сапожники пойду.

Бедный Кубышкин даже не подозревал, что ему в сапожники итти незачем, что он в этой профессии пребывал почти двадцать лет...

О. Л. Д'ор

ПОРТФЕЛЬ

Черный. Блестящий. Новый, с медным тугим замком.
Девятнадцатый год—суровый,—запомнил его военком.
Стащил-ли портфель кто-то, иль ордер дала снаб-часть,
Но в ночь он с маршевой ротой ушел, за советскую власть.
Есть мысли— острые клещи. Мысли как, крепкий жгут.
Они проникают в вещи, и вещи мыслью живут:—
Портфель вел войну на фронте, свалился, однажды, ничком.
Портфель... Портфеля не троньте—сраженный сказал военком.
Лежали вдвоем в лазарете:—портфель, от дождей рябой,
И больной из палаты третьей, захвативший портфель с собой.
Вещи людей живучей. Вещи щадит рука.
Но бег этих лет летучий промчал над страной века.
Отслужил военком службу. Снял форму. Ушел в трест.
Привез он портфелью дружбу с собой из прифронтовых мест.
Так служат оба доныне, храня память долгих недель...
Лежит на столе в главмашине старик заслуженный—портфель.

. . . .

Смысл будничной повести — вещий: пора б закрепить навсегда,
Что могут скромнейшие вещи быть в списках героев труда!.

Ал. Флит.

ЛИКВИДАЦИЯ

Пелагея была женщина неграмотная. Даже своей фамилии она не умела подписывать.

А муж у Пелагеи был ответственный советский работник. И хотя он был человек простой, из деревни, но, за пять лет житья в городе, поднаторел во всем. И не только фамилию подписывать, а, чорт знает, чего только не знал.

И очень он стеснялся, что жена его была неграмотной.

— Ты бы, Пелагеюшка, хоть фамилию подписывать научила,— говорил он Пелагее. — Легкая такая у меня фамилия, из двух слогов—Куч-кин, а ты не можешь... неловко...

А Пелагея, бывало, рукой махнет и отвечает:

— Никчему, дескать, мне это, Иван Николаевич. Годы мои постепенно идут. Рука специально не гнется. На что мне теперь учиться и буквы выводить? Пущай лучше молодые пионеры учатся, а я и так до старости доживу.

Муж у Пелагеи был человек ужасно какой занятой и на жену много времени тратить не мог. Покачает он головой — эх, дескать, Пелагея, Пелагея.. И замолчит.

Но, однажды, все-таки принес Иван Николаевич специальную книжку.

— Вот, — говорит, — Поля, новейший букварь-самоучитель, составленный по последним методам. Я, говорит, сам буду тебе показывать.

А Пелагея усмехнулась тихо, взяла букварь в руки, повертела его и в комод спрятала — пущай, дескать, лежит, может потомкам пригодится.

Но вот, однажды днем, присела Пелагея за работу. Пиджак Ивану Николаевичу надо было починить, рукав протерся.

И села Пелагея за стол. Взяла иголку. Сунула руку под пиджак—шуршит что-то.

— Не деньги-ли?—подумала Пелагея.

Посмотрела, — письмо. Чистый такой, аккуратный конверт, тоненькие буковки на нем, и бумага вроде как духами или одеколоном попахивает. Екнуло у Пелагеи сердце.

— Неужели же,—думает,—Иван Николаевич меня зря обманывает? Неужели же он сердечную переписку ведет с порядочными дамами и надо мной же, неграмотной дурой, насмехается?

Поглядела Пелагея на конверт, вынула письмо, развернула— не разобрать, по неграмотности.

Первый раз в жизни пожалела Пелагея, что читать она не может.

— Хоть,—думает,—и чужое письмо, а должна я знать, чего в нем пишут. Может, от этого вся моя жизнь переменится, и мне лучше в деревню ехать, на мужицкие работы.

Заплакала Пелагея, стала вспоминать, что Иван Николаевич, будто, переменился в последнее время,—будто, он стал об усишках своих заботиться и руки чаще мыть.

Сидит Пелагея, смотрит на письмо и ревет белугой. А прочесть письма не может. А чужому человеку показать совестно.

После спрятала Пелагея письмо в комод, дошила пиджак и стала дожидать Ивана Николаевича. И когда пришел он, Пелагея и виду не показала. Напротив того, она ровным и спокойным тоном разговаривала с мужем и даже намекнула ему, что она непрочь бы поучиться и что ей чересчур надоело быть темной и неграмотной бабой.

Очень этому обрадовался Иван Николаевич.

— Ну и отлично,—сказал он —Я тебе сам буду показывать.

— Что-ж показывай,— сказала Пелагея.

И в упор посмотрела на ровные, подстриженные усики Ивана Николаевича.

Два месяца подряд Пелагея изо дня в день училась читать. Она терпеливо по складам составляла слова, выводила буквы и заучивала фразы. И каждый вечер вынимала из комода заветное письмо и пыталась разгадать его таинственный смысл.

Однако, это было очень нелегко.

Только на третий месяц Пелагея одолела науку.

Утром, когда Иван Николаевич ушел на работу, Пелагея вынула из комода письмо и принялась читать его.

Она с трудом разбирала тонкий почерк, и только еле уловимый запах духов от бумаги подбадривал ее.

Письмо было адресовано Ивану Николаевичу.

Пелагея читала:

Уважаемый товарищ Кучкин.

Посылаю вам обещанный букварь. Я думаю, что ваша жена в два-три месяца вполне может одолеть премудрость. Обещайте, голубчик, заставить ее это сделать. Внушите ей, объясните, как, в сущности, отвратительно быть неграмотной бабой.

Сейчас, к этой годовщине, мы ликвидируем неграмотность по всей Республике, всеми средствами, а о своих близких почему-то забываем.

Обязательно это сделайте, Иван Николаевич.

С коммунистическим приветом Мария Блохина.

Пелагея дважды перечла это письмо и, скорбно сжав губы и чувствуя какую-то тайную обиду, заплакала.

Мих. Зощенко

ПОД ДАМОКЛОВЫМ МЕЧЕМ

Рис. Б. А.

В селе Андреевка-Клинцев, Сташикского уезда, Донецкой губ., члены РЛКСМ всю молодежь собирают в клуб силою оружия — читать газеты. А кто не хочет, того арестовывают. (*Корреспонденция*).

— Сеня! Одолжи на минуту шашку — страницы разрезать.

ПОМЕЩИК

(Вроде сказки)

Революцией Петра Иваныча, помещика, ровно, колом перешибло. Пришел на сход в лаптях, в землю поклонился:

— Не велите казнить, братцы, велите слово молвить. Дайте землицы, пахать буду! Видите, я и лапотки обул.

Подумали - подумали граждане села Пеньки:

— Ну что ж, мы не препятствуем. Въезжай в хутор, паши. Быль молодцу не укор.

Жалостливые они были, пеньковцы-то.

— —

Просидел Петр Иваныч зиму на хуторе, голоса не слыхать.

К в сне выполз.

— Граждане и благодетели, немощен я. Не глядите, что ряжка лопается; червь меня точит. Какая тут пахота? А работника взять, налогами задавят. Дозвольте сиротку усыновить!

— Усынови, дело доброе. А кого берешь-то?

— Семена беру, Егорова сына: двадцать лет парню.

Подумали добрые пеньковцы.

Нам что, разве жалко? Хоть двух усыновляй.

——

И пошел с той поры барин, Петр Иваныч, у них стараться. И так заработал — просто, удивительно. Мужики чуть свет пахать, а он уже и в совете, и в городе побывал.

— Вы что, братцы, не на хутор-ли?

— Видать, туда.

— Братцы, не вводите в грех: земля-то за хутором моя!

— Как твоя?

— А так: показное хозяйство. Вот и бумажка вам.

— Ну, коли показное,—сказали добрые пеньковцы,—то мы не препятствуем. Поворачивай, ребята, на покосы.

— Да, ведь, и покосы мои!

— Неужто успел?

— Успел, братцы. Аренда!

— Ловок! — удивились пеньковцы. А удивившись, тут же и пожалели:

— Налогов, поди, с тебя?..

— Какие с меня налоги, братцы! Сирота я. Инвалид.

——

Думали пеньковцы год, думали два. На третий как схватятся за голову.

— Да что ж это мы, ребята, наделали-то? Кого пригрели-то? Земля барская, луга барские, сад барский. Куренка, и того некуда выпустить, не то что курицу?

Поехали в город.

— Так и так, говорят, товарищи. Помещик оплел.

А в городе — на них-же с криком:

— А, такие-сякие! А неплательщика кто укрывал - не вы? А сирот кто позволял усыновлять — не вы? А в общество кто принимал — я не я, и лошадь не моя? Чего глаза обули?! Каким умом делали?!

Пеньковцы только в затылке почесали: нас же обидели, да мы же и виноваты. Ну, дела!..

Ал. Григорович

БЮДЖЕТ

— Ну-ка, мать, бери-ка счеты!
Подведем итог работы
С панихид и похорон!—
Попадье сказал Андрон.
— Два младенчика — от кори,
Акулина — от родов;
От какой, не помню, хвори—
Елизар, Лука и Пров;
От удара — сразу двое,
Плюс один — от перепоя.
Двух удавленников сбрось:
Хоронить не довелось.
На младенцев купишь юбку,
Полсапожки — на Луку,
Елизар пойдет на шубку,
Акулина — на муку.
Ждал я, ждал на именины
Филимоновой кончины,
На-кось, выздоровел он!
Пропадай мой самогон!
Скинь Потапова Антошку;
Думал — купишь самовар,
Да с Антошкою — оплошка:
Оказался коммунар.

Р. Волженин

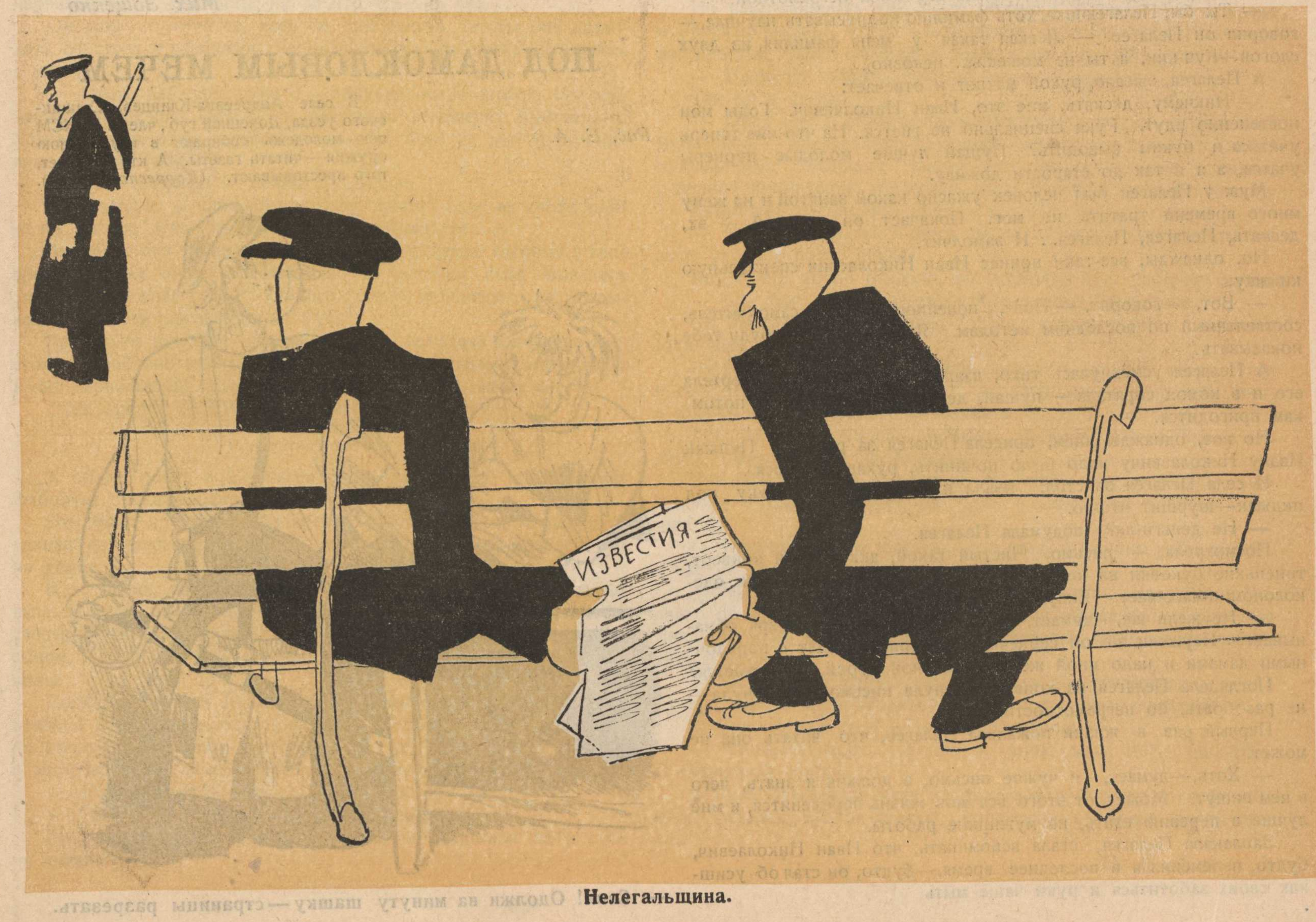
НА КУЛЬТФРОНТЕ

— Ну как у вас дела с новым учебным годом?

— Год-то новый, да средства старые

Рис. В. Козлинского

В Кисловодском парке запрещено продавать московские газеты.

Нелегальщина.

ПРОПАГАНДИСТЫ РАЗОРУЖЕНИЯ

Рис. А. Радакова

Антанта — Германии: Сударыня, вооружитесь терпением, — через несколько минут мы вас разоружим.

А ТАМ, ВО ГЛУБИНЕ РОССИИ...

Весь завален пестрой кипой всевозможнейших газет,
Залит ярким белым светом мой рабочий кабинет.
И, впиваясь зорко в строчки — как рыбак на берегу,
Я сижу и ужу темы — где могу и что могу.
Смычка... Шефство... Поп в селькоме... Нэп на юге сбавил тон...
Вдруг бросается в глаза мне чей-то краткий фельетон.
И подряд четыре раза, с новым чувством каждый раз,
Я читаю этот жуткий и бесхитростный рассказ.

Глушь... Учительница... Осень... Тьма, тоска и нищета...
Вдовый поп — седой и грузный — к ней стучится в ворота.
Утром — холод и уроки. Вечерами — этот поп.
Ни надежды, ни исхода... Неужели-ж пулю в лоб?
Глушь и осень... Глушь и осень... Пустота и нищета...
— Хоть бы лампу да газету! — шепчут бледные уста.

Как?! Всего одну газету? Через 25 минут
У меня из кабинета уберут их целый пуд,
Сложат, выбросят... А после — нашей Вареньки жених,
Разбитной лабазник Прохор завернет селедку в них.
Что до лампы... За полтинник (ну, конечно, если есть!)
Можно лампочку из жести где-угодно приобресть —
Только стоит-ли в квартире собирать подобный хлам,
Если можно за два-двадцать взять и „Филипс" и „Осрам?"

Но... Проклятое и злое непредвиденное „но"!
Но в сырой лачуге-школе жутко, голо и темно.
И, кривясь немою болью, шепчут бледные уста:
— Хоть бы лампу да газету! Нет! Немыслимо! Мечта!

Весь завален пестрой кипой всевозможнейших газет,
Залит ярким белым светом мой рабочий кабинет,
Но сквозь шефство, многополье, пионерство, отруба —
Все слышней и неотвязней эта жалкая мольба...

А. д'Актиль

СПЛЮЙСК

(рассказ местного жителя)

В губернской газете „Луч Звезды" описывал ихний репортер наш уездный Сплюйск и очень осмеивал наши небольшие размеры, короткие наши улицы и низменность домов. Заканчивал он всю эту музыку таким вопросом:

— Когда же дождется Сплюйск автомобильного и велосипедного движения на мостовых и когда, вообще, культура до него прикоснется?

На это я могу сказать, хотя, может быть, и не уполномоченный: автомобиль при нашем коммунхозе один уже имеется, и по большей части семья заведующего на автомобиле вдоль и поперек города катается. Так что сомнений насчет автомобиля нет никаких.

А на велосипеде секретарь местный учится ездить, по началу, конечно, не совсем благополучно, недавно даже женщину на восьмом ее месяце в канавку обрушил, где она, между прочим, и разрешилась.

Что же касается нашей сплюйской культуры, то это тоже под известным сомнением, потому если уж говорить о культуре, то у нас не только имеется клуб с танцами, но и два своих первоклассных фотографа Перельцвейг и Эпштейн. Рядышком они через один дом и помещаются.

Вот с этой же культурой и выходит: Перельцвейгу хочется хлебца белого с маслицем и Эпштейну тоже этого хочется, а в Сплюйске личностей хотя достаточно, но не каждому спешка себя на карточке увековечивать.

Разве уже парочка, которой безвыходно надо жениться — замахнет, с неотложности, к Перельцвейгу. Почему, именно, к Перельцвейгу? Вывеска у того заметнее.

Ну, Эпштейну, конечно, за это досада. И выставляет, в скорости, Эпштейн на улице большую фанеру с таким „декретом":

— „Граждане сплюйские! Ваше внимание!! Если вам желательно сниматься, то будьте любезны и зайдите в фотографию А. Е. Эпштейна и выберите себе, а именно: изящные, художественные декорации. Есть все, что только душа жаждет. Как-то: декорации „море—ночь любви". Чеховский фон с настроением и озером. Утес на матушке Волге. Кавказские горы, лес разных сортов, срубы березовые—поэтичные. Красота!"

Прочитал это эпштейновское объявление Перельцвейг и уже делает пальчиком:—„Перельцвейг тоже не с лыком вышитый!"

Объявляет Перельцвейг по всему призывному району:

„Только новобранцам! Снимайтесь, товарищи, оставляйте на добрую память ближайшим родственникам, женам, единоутробным сестрам и возлюбленным невестам свою фотографию. Изготовляю в один момент с быстротой двух суток и с почтением фотограф Я. Перельцвейг".

Беда да и только с этими двумя конкурентами!

Если, скажем, какая-нибудь эпидемия в Сплюйске объявится, то уж кому-кому, а каждому из них двоих забота:

— Может, у Эпштейна малярия?

— Не споймал-ли Перельцвейг сыпнячка?

— В городе, говорят, холера появилась, вот если бы...

Хочется жить на свете обоим фотографам. Прямо, до смерти жить хочется. И взялись они оба за... „политику".

Перельцвейг первый повесил новую вывеску, черными буквами по красному фону:

„Народный фотограф Я. Перельцвейг. Кому дороги завоевания революции, то съемка за недорого издесь".

А Эпштейн? Не может же он отставать от Перельцвейга! И у него — обновление:

„Рабоче-крестьянский А. Е. Эпштейн — фотограф. Только для советских граждан".

Дальше—больше. На этом конкуренты не останавливаются. У Перельцвейга в витрине появляется большой портрет Раковского с самопишущим пером в руке, бумага „для прошения" на столике и все это „в момент подписания известного договора".

Эпштейн же не дурак. Втиснул в свою витрину портрет председателя и старосты, Калинина, в „момент спуска его на парашюте в соседнюю деревню". „Для агитации за советскую власть"—как гласило объяснение к портрету.

Перельцвейг, ни слова не говоря, убирает снаружи Раковского и взамен выставляет не более и не менее, как группу: Карла Радека с Карлом Марксом. Подпись: „Два Карла в их полюбовном разговоре, по поводу международных делов".

Тогда уже Эпштейн, окончательно озлившись, берется за самого Троцкого...

Но тут на них обоих, на Перельцвейга с Эпштейном, обрушивается такое несчастье: в домике, между ихними фотографиями, открывается новенькая фотография молодого мастера Ямпольского.

Перельцвейг от такого горя как хватит себя за волосья, ка-ак дернет волосья от силы, а Эпштейн тоже потянулся до своих волос, но их, положим, на голове не оказалось, по случаю лысины. И что там вышло у них троих дальше — уж и неразберешь... Ну, только я скажу, хотя и не уполномоченный: репортер губернский зря про нашу сплюйскую культуру хаял. Как сами изволите видеть—культура у нас в Сплюйске в значительном повышении: вместо двух, уже три у нас фотографа, не говоря уж о зубных врачах, которых у нас в Сплюйске, чтоб не сглазить—двенадцать с лишним человек, и так они от конкуренции стараются, так на стенку лезут, что за полтинник не только зуб, но и всю челюсть выдергать готовы.

Л. Митницкий

ИЗ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ЕВТУШЕВСКОГО

Рабочий получает по одному рублю за час. За день он вырабатывает 8 рублей. Сколько часов он работает?

Ответ: 4.

ЖЕЛ-ДОР-СПЕЦЫ

— У нас, что ни день, на дороге новый состав находят.

— Это подвижной-то?

— Нет, состав преступления.

ЕЩЕ ОДИН ВИД СМЫЧКИ

Рис. Б. Антоновского

Член сельсовета с. Саблуково, Арзамасск. у., Коровин поет в церкви, читает там апостола и покрывает попа, имеющего самогонное производство.

— Батя, ты что тут делаешь?
— Замещаю, сын мой, члена сельсовета Коровина: он сейчас в церкви занят.

НАХОДКА

(документы)

Из доклада директору фабрики.

Рабочими одного из цехов найден среди мусора, на вагонетке, ценный станок в деревянном ящике...

Резолюция: Пустить в дело. Материал—рабкору. Рабочим—премию.

Из газетной заметки.

В одном из цехов нашей фабрики рабочие отыскали в мусоре довольно ценный станок. После небольшого ремонта станок будет, наконец, водворен на подобающее ему место. Сколько еще таких втуне лежащих ценностей осталось нам в наследство, после долгого хозяйничанья кулака-капиталиста, бросавшего в мусор вещи, дорогие для рабочего класса! И вот только теперь администрация фабрики и т. д.

Из доклада директору.

Премия, выданная нашедшим станок рабочим, поощрила их. Сегодня сделана новая находка: среди мусора, у самого выхода из фабрики, найдены сотенные весы и части паровой машины...

Резолюция: Нет ли еще чего? Рабочих премировать. В газету.

Директор—в правление треста.

...Нужно отметить усиленную деятельность по использованию оставшихся от старого владельца фабрики ценных предметов. Найдены и приспособляются к делу станок, сотенные весы, части паровой машины, много лесного и строительного материала. Нет ни одного уголка на фабрике, куда бы не заглянул зоркий глаз...

Резолюция: Премировать. Поставить в пример прочим.

Заявление мастера.

Получил станок—хорошая вещь, после ремонта может пойти в дело. Только не тот-ли это станок, что пропал у нас неведомо куда? Даже пометинки те же...

Резолюция: Не ошибается-ли? Вызвать охрану и заведующего складом.

Из доклада директору.

Еще находка. Вчера один из рабочих нашел на базаре весьма ценное для нас сырье... Предполагается, что это то же самое сырье, которое две недели тому назад...

Резолюция (посреди текста, размашисто). Забрать и пустить в дело. Где завскладом?!

Еще доклад директору.

Утром в одном из трактиров, близь рынка, найден заведующий складом в сильно нетрезвом виде. В полной сохранности. По протрезвлении может быть пущен в дело.

Резолюция директора: Забрать и пустить в дело. Материал рабкору (зачеркнуто).

Резолюция ревизионной комиссии: Такой завскладом—плохая находка. Забрать, в дело пускать не следует.

Собрал **М. К.**

КАМНИ ПРЕТКНОВЕНИЯ

Рис. Ив. Малютина

1. — А не мало ли я получаю?..

2. — Надбавочку бы, товарищ завком...
— Надбавочку? Давай, сначала, обойдем предприятия и посмотрим, как обстоит дело...

3. — Вот: машина хороша, да рабочий плох...

4. — Рабочий хорош, — машина плоха...

5. — И рабочий хорош, и машина хороша, да организация хромает..

6. — А тут и организация на высоте, да сырье не годится...

7. — И сырье, кажись, прекрасное, — а заказов нет...

8. — Заказы есть, но оборотных средств не хватает...

9. — М-да, товарищ завком!.. И того нет, и другого нет. А что-ж у вас есть?

10. — Что есть? Гляди. Накладные расходы.

11. — 137 праздников! Хоть святых выноси!

12. — Плохое соседство на каждом углу.

13. — Еще есть „утечки, утруски и усушки“...

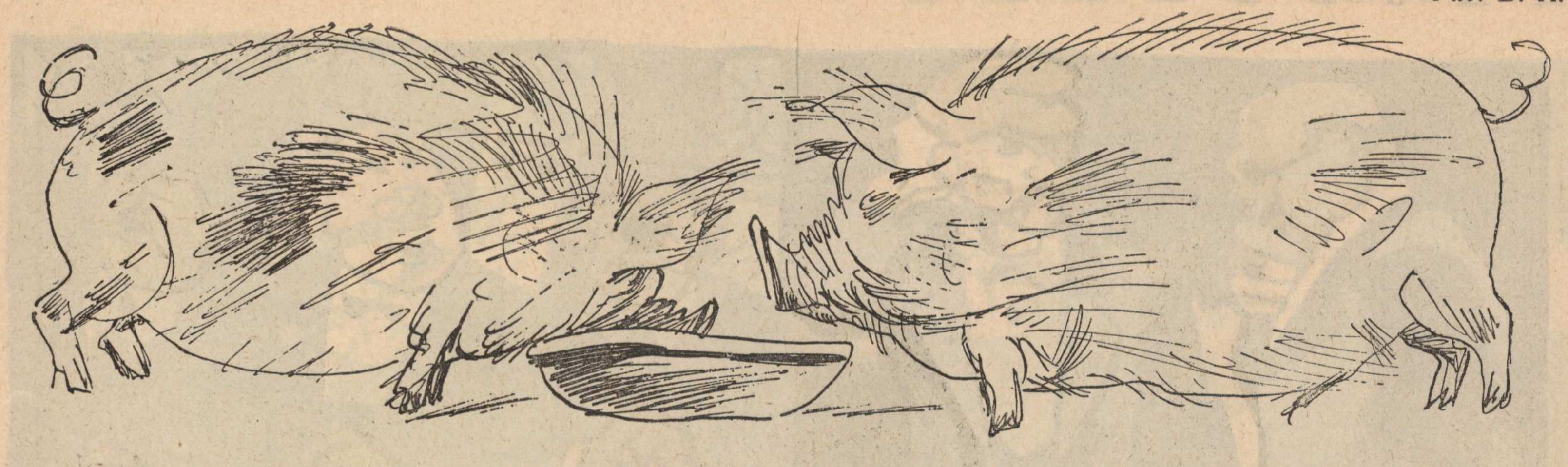
14. — Дельцы, большие и малые... и дела 5-ти, 27-ми, 45-ти, 129-ти и т. д.

— 15. Как видишь, много есть всякого такого... Ну-с? Что же ты молчишь насчет прибавки?

16. — Уйтить поскорей... А то еще сбавят!..

Рис. Б. А.

40 ЛОШАДЕЙ И 8 ЧЕЛОВЕК

ОТЕЦ и ДЕТИ.

Деревни, подшефные ст. Гряды (Окт. ж. д.), жалуются рабкору, что

ячейка станции вот уже $2^1/_2$ года состоит шефом только на бумаге.

Крестьяне обратились к рабкору с просьбой —

выписать хотя бы одну газету: хочется знать, что делается на свете.

Я сказал: товарищи, да, ведь, у вас шеф есть, который должен заботиться о вас, как о своих детях.

И крестьяне радостно пояснили:

— Это верно: он наш отец, мы евонные такие-сякие дети. Насчет шефства секретарь ячейки и не заикается, а сено для коровы просит у нас — как-же!

Кто же у них шеф и кто подшефный?

Мы думаем: мужики — шеф, а подшефный — секретарская корова.

О ПОЯСАХ.

От Киева до станции Бровары (М.-К.-В. ж. д.), что называется, рукой подать: 24 версты. И цены на продукты питания одинаковы, но..

по поясам дороговизны, Киев отнесен к 150-му поясу, а Бровары — к 105-му. Рабочие и служащие станции Бровары ежедневно узнают, что слышно о поясе дороговизны; обращались в УЧКА 5, но результатов не достигли, хотя и протоколировали на общих собраниях.

На 24 версты разница — 45 поясов. Многовато.

Чтобы подтянуть потуже пустое брюхо, достаточно одного пояса. А если дырочек на поясе не хватит, можно вилкой проткнуть.

МЦЕНСКАЯ ЯРМАРКА

Душат-душат частную торговлю, а она все-таки становится на твердые рельсы.

На станции Мценск (М.-Кур. ж. д.), по живописному изображению рабкора, —

Шум и спор торговок. Бегают мальчишки по платформе. Форменный базар. На путях — сотни торговок и торговцев, в ожидании поезда. За оградой — вдвое больше. Чувствуют себя свободно, разгуливают по путям, атаковывают поезда, а, по отправлении поезда, бегут за ним, рискуя попасть под колёса. Мальчишки весело прыгают и соскакивают на ходу. Торгуют все, кому не лень — от городского жителя до членов семьи железнодорожника.

А если в один прекрасный день на станции Мценск пропадет начальник станции или, например, целый поезд, — не обижайтесь, граждане: в такой сутолоке карманщику раздолье — что угодно слимонить может.

ОТ ДОСКИ К ДОСКЕ.

По сообщению газет, в Ленинграде, —

чтобы двинуть санитарное просвещение в массовых размерах, на каждом предприятии будут организованы „доски здоровья“, которые должны широко отразить весь санитарный быт рабочих, санитарные недостатки в охране труда, в условиях производства и быта рабочих.

Опоздали, братишки: есть уже такие доски, и давно применяются с большим успехом.

Слушайте, что рассказывает рабкор № 1094:

На станции Киргизская (Ташкентск. жел. дор.), у ПДР 53 Нефедова на чердаке имеются кули. Для того, чтобы их достать, подставляют, вместо лестницы, *доску* и по ней лезут, словно обезьяны, на чердак. Такой способ грозит рабочим увечьями.

Конечно, рядом с этой доской можно повесить и „доску здоровья“.

Но еще лучше — воспользоваться самой обыкновенной лестницей.

Старый друг лучше новых двух.

ПОТЕРЯННОЕ и ВОЗВРАЩЕННОЕ СЛОВО.

Не так давно публицист А. Меньшой, с душевным прискорбием, сообщал, что в СССР забыли слово „спасибо“.

Но вот рабкор ст. Бровары (М.-К.-В. ж. д.) пишет:

Рабочие 4-го околотка 7-го участка пути производили смену рельс. Целый день, до 7-ми часов вечера, они мокли под дождем за одно слово дорожного мастера — „спасибо“.

Спешим порадовать т. Меньшого: потерянное слово найдено. Ходит наравне с валютой.

ПРИСЛУГА ЗА ОДНУ.

На станции Новохоперск (Ю.-В. ж. д.) —

при переходе Ю-В. ж. д. на хозрасчет, ради экономии, дошли до того, что начальник станции, конторщик и прочие служащие превращаются, во время прихода поезда № 104, в грузчиков и грузят мешки с зерном.

А нельзя-ли попробовать приспособить н-ка станции вместо паровоза, а, например, конторщика — вместо тендера?

Пущай пыхтят и пар пускают. Важная получится экономия.

ИЗБЫТОК ЭНЕРГИИ

Вот неугомонная публика в Уфе! „Вл. Тр.“ жалуется:

В редакцию доставлена дароносица, выброшенная на свалку и найденная около Спасской церкви в навозе.

Лежала на свалке, ну и со святыми упокой! А они — нет, все тащат!

ДВА ПОПА
или
КАК ОТДЕЛИТЬ ЦЕРКОВЬ ОТ ГОСУДАРСТВА.

(Страшная быль).

В с. Чечерском Рязанск. губ. крестьяне разделились на две враждующих партии, из коих каждая отстаивала своего попа. Вопрос пересматривался несколько раз. Количество вынесенных резолюций достигает размеров консисторской переписки. Предсельсовета Медведев принимал в религиозной распре активное участие и все резолюции скреплял казенной печатью. Медведев отстранен от должности.

(Из газет).

В селе Чечерском председатель совета один: Медведев. А батюшек двое. И партий на селе две: за каждым батюшкой по партии. Одни за одного, другие за другого.

Дело ясное, — сперва прошлись по зубам, а потом резолюцию, протокол и подписи. Мол, желаем батюшку такого-то.

Очень хорошо.

Предсельсовета — печатку и быть по сему.

Быть по сему? А в морду?

Прошлись селяне еще раз по зубам, и решили другого батюшку поставить, а первого — вон.

Опять резолюция, опять протокол, опять предсельсовета печатку.

Потом опять гулянье в селе по зубам и опять резолюция, и опять печатка.

Долго дело тянулось. Все решали по большинству выбитых зубов и каждый раз предсельсовета — печатку. А потом и зубов-то не осталось, а резолюций с печатями накопился ворох.

Наехала милиция.

Попов обоих оставила: — Не наше-мол дело!

А предсельсовета — долой!

Так отделилось государство от церкви в с. Чечерском.

ЛАМПА И СОЛНЦЕ

(Басня).

Первому разряду и спецставке.

Луч солнечный, могуч и светел
В окно, резвяся забежал,
Огнями в хрустале цветисто задрожал,
И лампу, вдруг, на столике приметил —
Померкшую и темную, как сон.
— „Подумаешь!“ — смеясь воскликнул он:
— „И эта
Себя источником считает света“!
И что-ж он слышит? — „О, свет ло дня!
Попробуй ночью заменить меня“.

Иван Прутков

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

ТЕМНА ВОДА ВО ОБЛАЦЕХ.

Некоторые люди путают небо и нёбо; полагают, что звонкая монета существует с сотворения мира, потому что и тогда уже свиньи имели пятаки, и т. д. Примерно, к этим же людям принадлежит Лаганский; по крайней мере, в его корреспонденции (Известия, 189) читаем:

Среди звезд и чисел.

(На пулковских высотах)

(От нашего ленинградского кор.)

Если стать в какой-либо точке нашей Сенной и провести прямую через Международный проспект (б. Забалканский) и Московское шоссе, то она, как стрелка, упрется в центральную башню Пулковской обсерватории. Эта прямая и есть пресловутый Пулковский меридиан. Дальше, за Сенной, Пулковский меридиан ныряет в один из окружающих темных переулков и бесследно исчезает для невооруженного глаза.

А для вооруженного глаза, глядишь, и не исчезнет. Не иначе, что для уловления этого меридиана придется милиционера позвать.

СВОЕОБРАЗНЫЙ СТИЛЬ

Ленинградская „Красная Газета“ помещает письмо из Парижа— под заголовком „Своеобразное выселение“.

Вот стиль этого парижского письма:

Наверху под фресками много надписей, четверо- и больше стишья из речей, произнесенных друзьями на могиле Башкирцевой.

Что удивительного, если читатель, одолев в поте лица эту замечательную фразу, выразится по-русски *трёх и больше этажными* словами?!

КУЛАЧНОЕ ПОВРЕЖДЕНИЕ.

В той же газете — другая статья: „Шесть недель в Европе“, и другой симпатичный перл:

„Заседание“ закрыто. Нужна передышка. Нужно подготовиться к *голосанию.* Дня через два *совешилось* и таковое. Уже без кулаков.

Судя по орфографии, можно думать, что статья писалась „еще под кулаками“.

ЖЕРТВЫ ВЕЧЕРНИЕ.

„Вечерняя Москва“ в отделе „Происшествия“ рассказывает об одной краже. Ах, что за язык!

Воры, взломав висячий замок в Оружейном переулке, ими похищена обувь на сумму около 400 рублей.

Такой язык лучше не высовывать...

Вечерний выпуск Ленинградской „Красной Газеты“ старается не отстать от столичной конкурентки.

Гибель в Фонтанке. Вчера в р. Фонтанку против д. 150 упал бывший в нетрезвом состоянии, проживавший на Лиговской ул., д. 80, М. А. Бертнисков. По дороге в больницу он скончался.

Блестящий лаконизм! Еще короче было бы так:

Гибель в Фонтанке. Вчера в р. Фонтанке, по дороге в больницу, скончался М. А. Бертнисков.

ТАМБОВСКИЙ СТИЛЬ

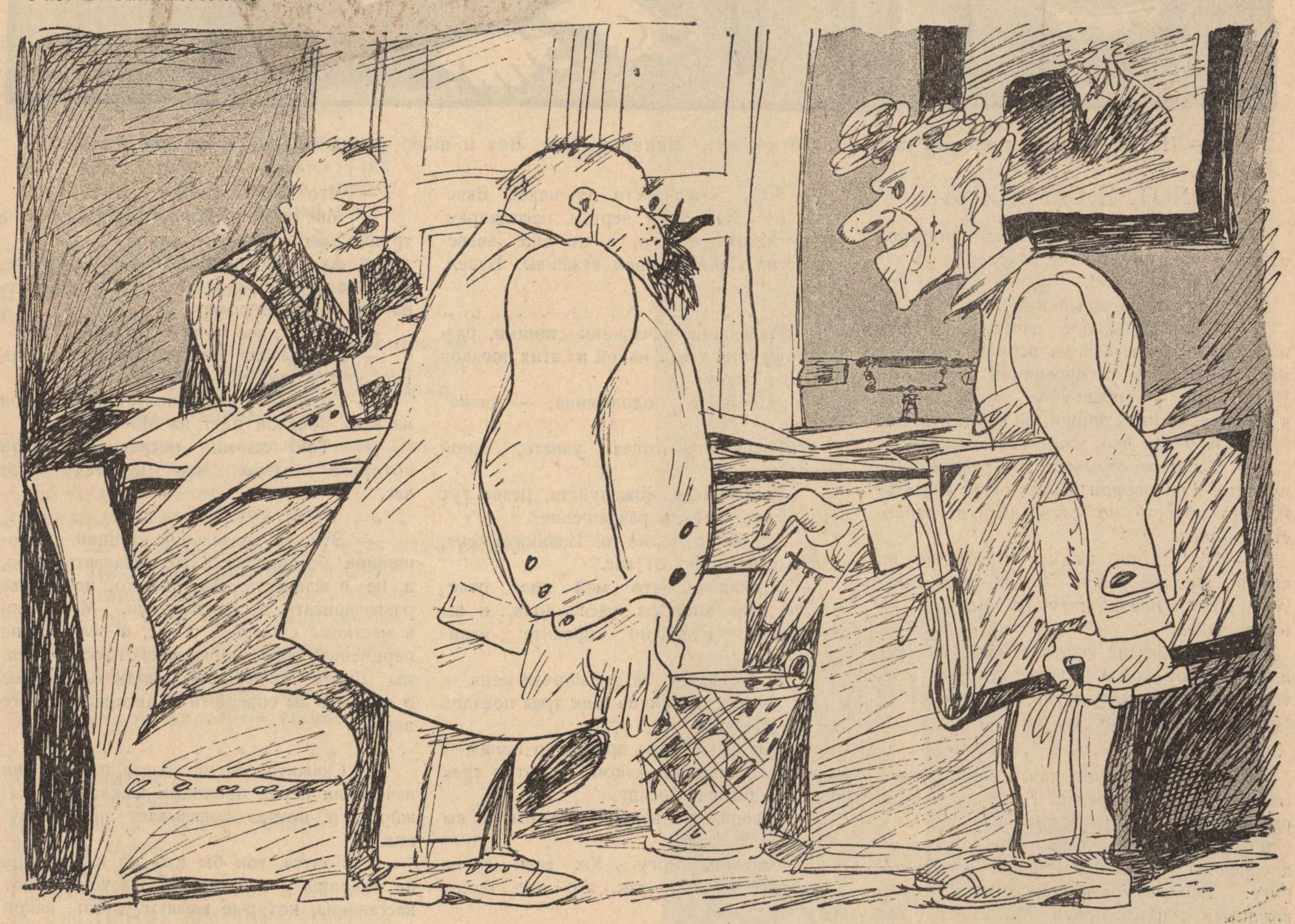
В деревне — этой огромной *реторте* жизни мы должны служить *активным катализатором,* ускоряющим *реакцию* замещения старого режима.

Кто так пишет? Кто так жалобно поет?

Пишет так „Тамбовская Правда“. А так жалобно поет самый обыкновенный тамбовский мужик.— Запоешь!

МУЖСКОЕ ЗАСИЛИЕ

Рис. Б. Антоновского

— А вот это мой новый секретарь...
— Позвольте... Почему же, однако, в мужском костюме?
— Но, ведь, это и есть мужчина!
— Что вы говорите? Очень, очень оригинально...

С молоком матери.

Рис. А. Радакова.

В деревне Акбарисово, Шарамской вол., Белебеевского кантона, Башкирской республики, дети от 4-х до 5-ти лет напиваются самогону до потери сознания.

— Нешто жидким молоком дите удовлетворишь? Никак нельзя. Вот и пью, чтобы молоко было покрепче...

ЗОЛОТАЯ СЕРЕДИНА

— Гражданин начальник станции, какой из этих поездов идет на Москву?

— Мос-ков-ский!

— Гражданин начальник...

— Семнадцать лет начальник! Чорт подери, нельзя выйти на перрон, как начинают приставать с дурацкими вопросами! Что я вам, — справочное бюро? Идите к дежурному по станции, он вам и ответит.

— А у вас что, язык отвалится?

— Вы меня отрываете от работы. Вы думаете, я на перрон вышел галок считать? Я, чорт подери, по служебным обязанностям вышел!

— Ну, ладно, за каким сатаной вы вышли, мне все равно. Вы обязаны ответить, какой поезд идет на Москву, вы и отвечайте.

— Ах, обязан? Извольте с! На Москву идет вот тот самый поезд, который уже тронулся с третьего пути! Не догоните-с! Не догоните с! Хе, хе, хе!

. . . .

— Это, гражданин начальник станции, совершенное безобразие! Разве так можно разговаривать с пассажирами? Что вы с цепи сорвались? Своей грубостью вы дискредитируете и свое звание и всю дорогу. Ваша первая обязанность—быть вежливым с пассажирами. Мы имеем о вас суждение в месткоме и, если вы не перемените своей манеры разговаривать, — мы будем вынуждены поднять вопрос о том, что вы, просто, не на месте.

. . . .

— Ахх, вежливости им надо? Вввежливости? Ха! Этим чертям, пассажирам, с жиру делать нечего, а им еще вввве-жливости? Ладно, будем вежливы. Будем, будем.

. . . .

— Гражданин начальник станции, разрешите узнать у вас, какой из этих поездов идет на Москву?

— Сделайте одолжение, — пожалуйста.

— Разрешите тогда узнать, какой именно?

— Пожалуйста, пожалуйста, разве тут нужно какое-нибудь разрешение?

— Ах, не то же, не то! Извините меня, я хочу узнать это от вас.

— Гражданин, это мой долг отвечать на все вопросы пассажиров, и вы совершенно напрасно просите извинения.

— Вы, кажется, не так поняли меня,— я хочу узнать, какой из этих трех поездов идет на Москву?

— Что вы! Я вас прекрасно понял,— вы желаете узнать, какой из этих трех поездов идет на Москву.

— Совершенно верно. Можете ли вы это сказать?

— Конечно, могу. Уж если я не буду этого знать, так кто же будет знать?

— Так позвольте мне просить вас...

— Какой вы, в самом деле, чудак? Да вы без всяких позволений спрашивайте, это ваше законное право.

— Гражданин начальник станции...

— Что вам угодно?

— Мне угодно просить вас, если не трудно, сообщить мне, какой...

— Ах, гражданин, да поверьте же мне, что мне совершенно не трудно ответить на все ваши вопросы.

— Значит, вы можете ответить?

— С наслаждением, спрашивайте только. Все, кроме служебных тайн.

— Гражданин начальник станции, какой из этих поездов идет на Москву?

— Тот самый, последний вагон которого только что прошел мимо вас.

. . . .

— Это, гр. начальник станции, совершенное безобразие. Это издевательство, а не вежливость. Вы, просто, не умеете разговаривать с пассажирами. Мы имели в месткоме суждение о вас, и если вы не перемените своего обращения с пассажирами, мы будем вынуждены поднять вопрос о том, что вы совершенно дискредитируете дорогу.

. . . .

— Скажите, вы не знаете, почему наш начальник перед проходом каждого пассажирского поезда повязывает щеку платком?

— Боится, как бы кто из пассажиров не подошел с вопросом. Знаете, бывают пассажиры, которые желают узнать, какой из поездов идет на Москву. Ну, а как увидят, что у начальника зубы болят, — глядишь, и не подойдут.

. . . .

Евграф Дольский.

ДНО

(Поэма)

— Ножики немецкие, спички советские! Спички, спички! Берите, большевички. Раз—и вонь, два—и огонь.
— Даю, беру!
— Приходи по утру.
— А вот на-последки дворянские предки. За одну монету даю по потрету.
— Даю. Беру.
— Приходи по утру.
— Матушки-святители, из рук похитили. Ай, ай, ай!
— А ты не зевай!
— Да как же, милай, купила я мыла, в мешок сложила. Стою это с краю, а они напирают, а они оттирают...
— Даю, беру.
— Приходи по утру!

* * *

Так на этом лирическом фоне
Распинается вечное „дно“.
Эти выкрики, как в граммофоне,
Всякий день повторяет оно.

Позабыли сменить-ли пластинку.
Иль мембрану прохожий согнул.
Но под выкриков пьяных сурдинку
Подступает к губам „караул“!

Здесь наглейшею пылью и чадом
Запорошены души давно.
Здесь давно познакомлены с адом,
А „угрозыск“ прошли, заодно.

Здесь недаром, под шип сковородки
И колбасный собачий угар,
Разговор торопливо-короткий
Подготовит мгновенный удар.

Финский нож к голенищу привычен
И отлично наточен тайком.
— Будет, ой, буржуятине вычет,
Будет плакать, ребята, по ком!.

От трактира (дождутся же ночи)
После пары баварских утех —
К переулкам дорога короче,
Веселее прирученный смех.

— А, идешь, неумытая шкура?
— Не волнуйся, давай кошелек!!.
И согнувшийся дьявол понуро
Вот уж душу к себе поволок.

Волоки: в фантастической прятке,
В гнойной жиже покойся, „буржуй“.
— Ну, ребята, намазывай пятки.
И глаза озорные разуй...

Дом над домом, как глыбы, нависли,
В луже крови прохожий осип.
А об отдыхе пьяные мысли
Закружились на пьяной оси:

— Дьявол, Манька, утешь и не выдай,
Накорми, уласкай и умой.
Вишь ты, горе какое, обида:
Три узла притащили домой.

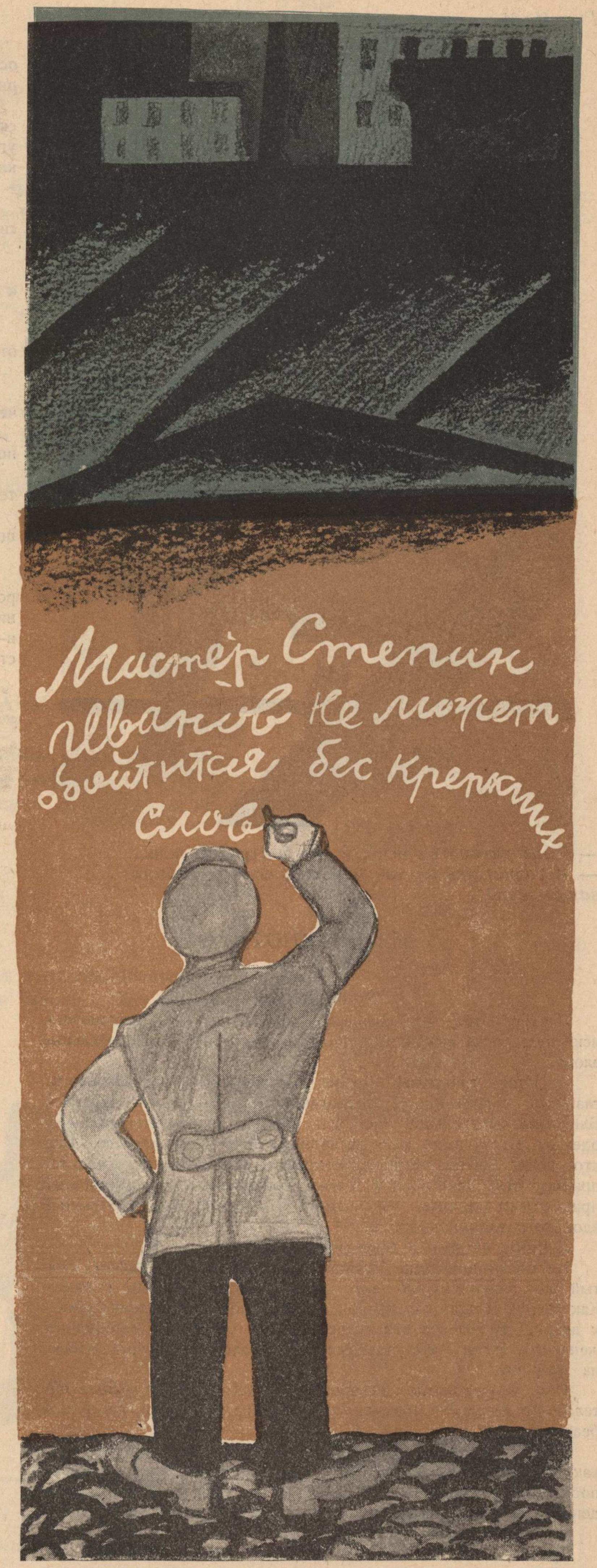
— Перекупщик, раздуешься втрое,
Барахло по базару развей!..
А уж мы отдохнем на покое
За решеткой железной своей.

* * *

Вот двенадцать.
Гудят и стучат.
Набухают и грузнут палатки.
Хрипло злятся
И сипло кричат
Граммофоны орде, без оглядки.
И, под грохот железных весов,
Все пронзительней хрип голосов:
— Матушки-святители, из рук похитили, ай, ай, ай!
— А ты не зевай.....

Ал. Григорович.

Рис. В. Козлинского.

Первые шаги рабкора.

ПОСЛЕ НАВОДНЕНИЯ

Рис. И. М.

— Была затоплена печь, и мы быстро обсохли...
— Погоди... как-же так обсохли, если печь была *затоплена?*

ИЗ БЛОКНОТА

I

Физкультура

Лектор был воодушевлен, красноречив и, несомненно, искренен, когда выкрикивал перед аудиторией заключительные слова.

— Итак, граждане! Долой болезненность, расхлябанность, слабость современного, задавленного цивилизацией человека! Ближе к целительной природе! Прочь лишние стеснительные одежды! Пусть ваше тело свободно дышит и укрепляется. Все, кто хочет быть сильным, бодрым и помолодевшим—следуйте примеру этих крепышей с телами, коричневыми от загара и едва прикрытыми легкими трусиками! Что может быть прекрасней здорового гармоничного тела?!

Лектора наградили бурными овациями.

На следующий день, лектор сидел в трамвайном вагоне, сжатый до максимума со всех сторон, злой от духоты и давки. Как вдруг глаза пассажиров, словно по приказу, повернулись к двери. В трамвай втиснулось нечто. Оно было, несомненно, женского рода, вылупившееся из одежд, словно птенец из скорлупы.

Оно представляло невероятное расточительное скопление телесного материала, массивность которого подчеркивалась легкой безрукавкой и трусиками.

Лектору, вдруг, почудилось с тошнотворной реальностью, как оно тает, расплывается и заполняет весь вагон. Лектор поспешно протискался к выходу и, нащупав в кармане мелкие деньги для уплаты штрафа, решительно спрыгнул на ходу.

Он узнал вчерашнюю слушательницу из первого ряда.

Тут же, чтобы не забыть, он занес в записную книжку:

„После слов „все, кто хочет быть сильным, бодрым и помолодевшим“ сделать паузу, улыбнуться и сказать: за исключением лиц, достигших пяти пудов и выше“.

II

Тернии славы

Бледный молодой человек, в выцветшей коричневой шляпе, остановился у витрины книжного магазина и внимательно обшарил глазами обложки книг.

Затем, он зашел в магазин. За прилавком, пестревшим детскими сказками, приказчик, не торопясь, пил чай. В дальнем углу, на приставной лесенке, хозяин перебирал на полке громоздкие фолианты, любым из которых можно убить быка.

— Что желаете?—спросил приказчик молодого человека.

Тот окинул быстрым взглядом прилавок, кашлянул и спросил неуверенным смущенным тоном:

— Книжку стихов... Сороконожкина.

Приказчик, подумав не больше секунды, обратился к хозяину:

— Семен Борисыч... Стихи Сороконожкина.

— Нет, — буркнул хозяин, продолжая стоять спиной и не отрываясь от работы.

— К сожалению, нет.

— И... и не будет?—смущаясь еще больше, спросил молодой человек:—она недавно напечатана...

— Семен Борисыч... Ожидается получение стихов Сороконожкина?

На этот раз, хозяин стремительно обернулся, и на посетителя глянуло бородатое лицо в синих очках.

— Издание „Луча“? 50 копеек? На обложке—зеленая женщина? Да?

— Да. Эта самая, — тихо подтвердил молодой человек.

— Дрянь. „Сотрудник культуры“ взял двадцать экземпляров, и теперь не знает, что с ней делать. Нужно быть, извините, дураком, чтобы её покупать, кретином — чтобы написать, и—форменным идиотом, чтобы взять на комиссию!.. Вам нужны стихи? Возьмите Пушкина или Лермонтова...

— Нет, я уже имею и то, и другое...

Молодой человек покраснел, напялил шляпу и торопливо устремился к выходу.

Ив. Прутков

НА БЕГАХ

**Привыкли мы давно к известному нам кругу —
Хоть жизнь, порой, берет понятья на рога...
Крестьянин как-то раз, должно быть, с перепугу,
Попал вдруг на бега.
„Бе-га“, — читает он аршинную афишу.
„Аль дезертиры есть, хоть нет совсем войны?“
Глядит: громадный дом, столбы, а сверху — крыша,
И ни одной стены.
„Ишь, строят как дома,“ — подумал он с улыбкой,—
„Зимой здесь холодно пожалуй, ой-ой-ой!“
А ипподром сверкал, как будто змейкой гибкой,
Дорожкой беговой.
Блестели серебром в американках вилки;
Наездники в цветном, а лошади, как шквал...
Крестьянин почесал задумчиво в затылке
И грустно прошептал:
„Теперича у нас в селе Утячьи Стежки
Стал безлошадным весь крестьянский бедный люд:
На суке борони, паши же хоть на кошке,
А кони-то вон тут...
„И без-толку бегут, стараются, все в мыле,
Ну, хоть везли-б куда, а то елозят круг!
Вот ежели-б их нам, мы к ним бы прицепили
И борону и плуг!“
Мораль не вычешешь так, наспех, из загривка —
Да и к чему мораль? А скажем просто так:
В Республике Труда дороже сердцу сивка,
Чем беговой рысак!**

К. Шелонский

В РЕСТОРАНЕ

— С вас, гражданин за две матерщины получить позвольте!

— Почему за две, а не за полторы?

Почитай каждый праздник у вас ругаюсь, а вы даже скидки не сделаете!!!

О ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ

Рис. Б. А.

— Уважаемые граждане и уважаемые гражданки! Поставив себе целью повысить производительность...

— А что вы прозиводите, товарищ?

— Он? Он шум производит. Тут люди по делу идут, а он взгромоздился на какие-то штуковины и орет.

— Граждане и гражданки! Насколько я понял, здесь поднят вопрос о том, что я произвожу. Позвольте сказать...

— Нет, товарищ, позвольте уж мне сказать! Что вы производите? Беспорядок вы производите—только и всего. Здесь, извините, 15-ая страница, а не площадь для митинга. Здесь рисунку полагается быть, а не вам. Чего вам здесь нужно?

— А то и нужно, что вы ничего не понимаете? Рисунку полагается быть... скажите, какой спец нашелся! А я, по-вашему, что?

— Вы?

— Да-с. Я-с. Не рисунок, по-вашему?

— Оно, конечно, рисунок...

— То-то, что конечно. А вы лезете. Дела не лаете договорить. Что-ж, по-вашему, меня здесь для забавы поставили? Даром место отняли? Ну?

— Да мы, товарищ, ничего...

— А если ничего, так слушайте, а не лезьте с репликами. Тоже, цицероны нашлись! Помолчать не могут! Да знаете-ли вы, вместо чего я здесь поставлен?

— Нет! Скажите!

— Вместо объявления.

— Чего??

— Объявления. О „Смехаче".

— Не может быть!

— Факт.

— Так вы-бы, товарищ, так прямо и сказали. А то вы, вдруг, о производительности... Причем тут производительность?

— Значит, причем. Дали-бы договорить, так поняли-бы. Итак, уважаемые граждане и уважаемые гражданки, поставив себе целью повысить производительность, мы выпускаем в октябре, вместо двух номеров „Смехача", — три.

— Ну?

— Честное слово!!

— Ура! Урра! Уррра!

— Эх, товарищ, и жалко-ж, что вы нарисованный...

— А в чем дело?

— Мы-бы вас, товарищ, качать стали!

— Качать меня не надо. Зря раскачаюсь. А вот что: раскачайтесь-ка сами да подпишитесь на „Смехач": шесть гривен в месяц — без газеты „Гудок", рупь пятнадцать — с „Гудком".

НОВЫЙ АДРЕС РЕДАКЦИИ „СМЕХАЧА" — Пр. Володарского, д. 51, кв. 9. Телефон 5-49-78.
АДРЕС КОНТОРЫ СТАРЫЙ — Пр. Володарского, д. 53-а. Телефон 168-80.

Издатель: „ГУДОК" Ответственный редактор А. С. Андрейчик

Ленинградский гублит № 15.123. Типо-Литография „Красный Печатник" Ленинград. Международный, 75. Тираж 50.000 экз.

РАСШИРЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВА

(ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ).

Почтальонам поручено производить мелкие почтовые операции: продажу марок, прием писем и пр

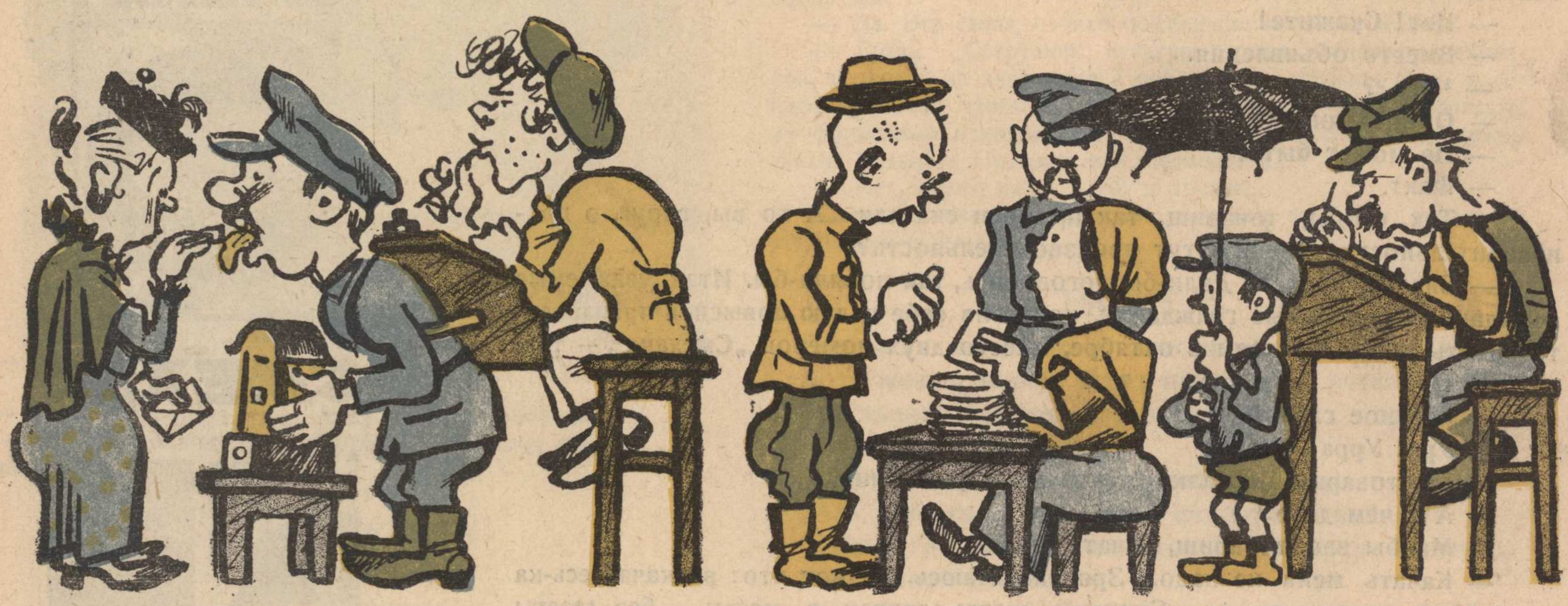
Рис. Н. Радлова

Жил-был почтальон:
Известно, — таскал почту.

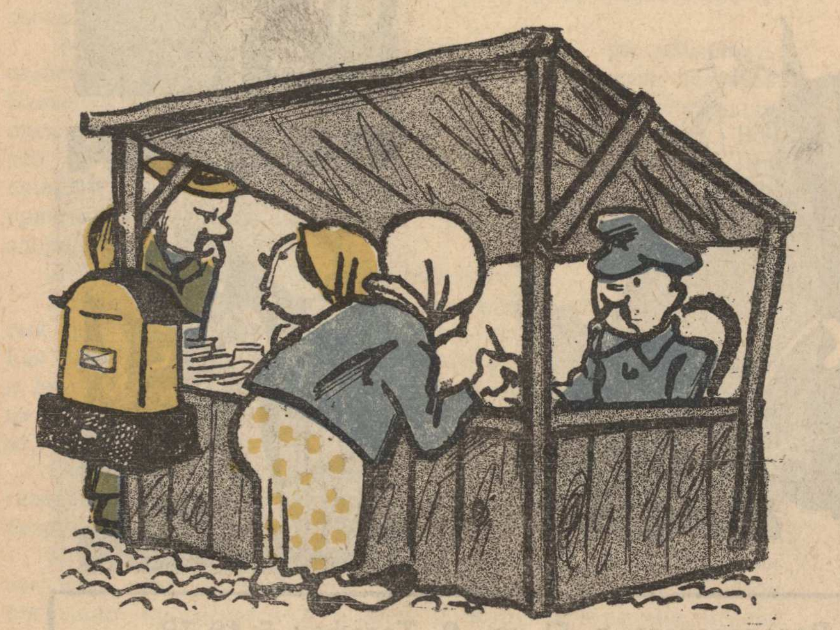
Придумали для бедняги новый фасон —
Вот что!

Сзади конторка, сбоку сумка, спереди ящик —
Полной нагрузки образчик.

Другой-бы, ребята, озлобился,
А почтальону — ничего. С ног до языка приспособился.

Завел обстановку: стол да скамейку,
На подмогу мобилизовал семейку.

А там, гляди, построил ларек:
Сидит в ём, что бывший царек.

И вот, всем на удивление,
Он уже не почтальон, а почт-отделение.

Тут и конец... Лам-ца-дрица... а-ца-ца!
А не проще-ль затею начать с конца?

Ив. Прутков